

Как недолговечны и ничтожны люди, если не видеть в них премников и носителей прошлого.

Френсис Скотт Фицджеральд

Вечерние сумерки опустились на затихшую деревню. Только кое-где за заборами, во дворах, переругивались собаки, огрызаясь громким лаем, то ли друга на друга, то ли на кого-то невидимого в темноте. Лёгкий морозец бодрил вечерний воздух. Повсюду белели снежные россыпи. Ближний лес стоял не шелохнувшись. Зимняя ночь прочно вступила в свои права. Яркие точки мерцали на небе. Звёздные конфигурации и Млечный Путь, как на волшебной картине, сияли на фоне тёмной огромной бездны. Михаилу не спалось. Хотя к утру следовало быть в форме. В его планы на завтра входила поездка на снегоходе по зимним костромским лесам. Давняя мечта — вырваться зимой из грязной и забитой автомобильными пробками Москвы на приволье, кажет-

ся, осуществилась. Впереди маячил полный впечатлений день. Артём, его друг, сопел и похрапывал, лёжа рядом на диванчике с полуоткрытым ртом, утопив затылок в подушку. После хорошо истопленной бани с берёзовым веничком, нескольких рюмок водки и обильного деревенского ужина, он почти сразу погрузился в царство Морфея. Ворочаясь с боку набок, Михаил всё никак не мог заснуть. Осколки мыслей и вспышки образов крутились и всплывали в голове. Он давно мечтал посетить здешние места. Для него они всегда были связаны с зимними каникулами и гуляниями и, конечно, с образами Деда Мороза и Снегурочки. Причём эти праздничные фигуры в представлении Михаила были тесно спаяны с костромской землёй. Иван Сусанин, герой Смутного времени, спасший юного царя, звавшегося также Михаилом, явно обладал всеми атрибутами Деда Мороза. Статный, с большой бородой, умудрённый опытом, Сусанин знал, на

Евгений Владимирович Волков (1964 г.р., с. Бреды, Южный Урал, Челябинская область). Закончил Челябинский государственный университет (исторический факультет, 1989) и аспирантуру. Служил в Советской армии (1984-1986). Преподавал общественные дисциплины в техникуме. Работает в Южно-Уральском государственном университете (с 1998), доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории. Автор монографий, статей по истории Гражданской войны в России, русской эмиграции и советского общества. Живёт в Челябинске.

что шёл, пересилив страх перед воинственными и озлобленными ляхами, зашедшими благодаря его стараниям не туда. В общем, принял смерть за царя. Ну чем не Дед Мороз! Смелый, убелённый сединами, уже пожилой для того времени человек. Даже запечатлённый в камне и смотрящий на Волгу с возвышенного места в центре Костромы, Иван Сусанин смахивал на главного героя Нового года, на образ Святого Николая Чудотворца. А Снегурочка — здесь всё ясно. Она родилась под пером Александра Островского, обротившегося к народному фольклору. Писатель вдохнул в неё жизнь в имени Щелыково, приобретённом на гонорары в костромских краях. Здесь в его пьесе, сотворённой за большим письменным столом, покрытым, как бильярдное поле, зелёным сукном, и родилась эта снежная красавица. Уже после кончины писателя, в Советском Союзе с середины 1930-х гг. Снегурочка, неперемнная спутница всех новогодних торжеств в России и сопредельных землях, повсюду следует за Дедом Морозом. Думая об этом, Михаил представлял себе Костромской край и загадочным, и праздничным одновременно. Его манили леса и пустоши здешних мест именно зимой, когда возрождаются Дед Мороз и Снегурочка. Однако ему вместе с Артёмом представился случай повстречаться здесь, в глухих лесах, совсем с другими «героями» ...

Уходящий день был переполнен событиями. Михаил с Артёмом приехали поездом на небольшую стан-

цию Галич. Почти в ста километрах отсюда жил их друг Андрей, ныне священник в сане протоиерея, отец большого семейства. «Батюшка», как теперь его величали. У Михаила это слово с трудом слетало с языка. Глядя на друга и общаясь с ним, Михаил нередко задавался вопросом, какой он «батюшка»? Ведь ещё лет двадцать назад они все вместе, будучи студентами, вытворяли такое, что теперь трудно и представить. Хотя, сам себе возражал Михаил, радужные воспоминания, связанные со студенческими годами, чересчур эмоционально окрашены. Это наша молодость, она всегда представляется морем радостных воспоминаний с эпизодами казусных случаев и даже больших приключений, размышлял он, ворочаясь в постели. Нынешняя университетская поросль, может быть, ещё авантюрней и эксцентричней предшественников. Мы ведь не всё о них знаем, у них свой мир грёз, разочарований и побед.

Историко-архивный институт в те, казалось, уже далёкие 80-е годы прошлого столетия — один из ведущих вузов Советского Союза гуманитарного профиля. Поступить туда совсем непросто. Однако имелись небольшие лазейки в виде рабфака и привилегий для бывших армейцев, решивших попытать счастья стать студентами историко-архивного. Артём, например, оказался в нём после рабфака, дававшего некоторые преимущества. После окончания школы в Самаре он проработал год на авиационном заводе, а затем решил попытать счастья и отправился

в Москву. Сибиряк Андрей отслужил полгода рядовым после добровольного увольнения из военного училища. Разочаровавшись в карьере офицера, он решил стать историком. Однако, как показала жизнь, такой выбор оказался для него неокончательным. Михаил поступал в вуз дважды. Только вторая попытка удалась. Год после школы работал слесарем на машиностроительном заводе в родном городке на Урале. Посещал подготовительные курсы, слушая скучные и заунывные наставления преподавателей местного политехнического вуза. И только через год после окончания школы двери в новый мир студенчества открылись перед ним. Как оказалось впоследствии, он ещё попал и в сообщество историков. Из всех друзей лишь Михаил защитил кандидатскую и трудился по специальности в небольшом и не очень престижном вузе в Подмоскowie, куда ему приходилось тащиться на электричке рано утром или днём, иногда даже по субботам.

Артём в «лихие 90-е», бросив аспирантуру — он учился гораздо лучше Михаила и подавал большие надежды — устроился менеджером в одну из туристических фирм. Вскоре его карьера пошла в рост, и сейчас он чувствовал себя вполне успешным человеком. Купил двухкомнатную квартиру средней руки в спальном районе Москвы. Разъезжал на новеньком «Форде». Поздней весной и летом, когда поток туристов неизменно возрастал, и доходы увеличивались, ему зачастую рисовались наполеоновские планы. Вырастал

замысел приобрести домик на средиземноморском побережье Испании или Италии, откуда бы отлично просматривался весь безбрежный морской горизонт. Но многие из подобных идей так и оставались в мечтах. Осенью или зимой, когда путёвки раскупались не столь активно, время от времени его, наоборот, взрывало и заносило в другую сторону.

— Брошу всё к чёртовой матери! Пойду в издательство, буду ещё преподавать, может быть, напишу диссертацию. Я ведь историк, — с жаром говорил он Михаилу.

Но вскоре все подобные порывы угасали. Привычные, устоявшиеся дела и материальный достаток брали верх над его стремлением что-то менять. Тем более Артём — главный кормилец в семье. Жена, работая рядовым инженером на приборостроительном заводе, получала не так много. А единственный сын ещё учился в вузе, на архитектурно-строительном факультете.

Семья «батюшки» Андрея, наоборот, была многодетной. Пятеро сыновей и дочка пока жили вместе с родителями. Младшему Николаю, первокласснику, уже исполнилось семь, а старший двадцатитрёхлетний Василий учился на последнем курсе педагогического университета в Костроме, кажется, по специальности, связанной с информатикой. «Попадья» Света как опытная домохозяйка отличалась радушием и гостеприимством. Ей во всём помогала подруга-соседка Ирина, бойкая на кухне и полная забот о детях свя-

щенника. «Мой взвод», иногда называл своё большое семейство Андрей, вспоминая курсантские будни в военном училище.

— Милости просим! Заждались Вас! — прогромыхал откуда-то сверху баритон Андрея.

Он стоял на верхней ступени лестницы, ведущей на второй этаж, когда Артём и Михаил, с дорожными сумками и немного припорошённые снегом, вошли в прихожую в сопровождении Василия. Последний встретил их прямо у вагона в Галиче, сразу прихватил их нетяжёлый багаж и усадил в старенький отцовский «Фольксваген», домчавших их за час с небольшим до Оладьино. Андрей спустился вниз. Сюда же в прихожую, как по команде высыпала вся семья. Обнялись, поцеловались троекратно, по старому русскому обычаю. Обменялись дежурными фразами о делах, здоровье, близких. Артём и Михаил вручили детям и взрослым скромные подарки — набор из шоколада, игрушек и сувениров из уральских камней. Затем гостей, исполняя их первоначальное желание, отправили в баньку. Через пару часов, когда уже начало смеркаться, три друга сели за стол. Света, пожелав приятного аппетита, отправилась в детскую. Ужин, сдобренный водкой и изысканными блюдами из рыбы, овощей и чего-то ещё вкусенького, затянулся. Разговорам друзей, казалось, не будет конца. Давно всё-таки не виделись. Засиделись допоздна.

— Предлагаю вам отправиться завтра по нашим лесам на снегоходе. Места здесь отменные, сами увиди-

те, — уже вставая из-за стола, произнёс Андрей.

— Неплохая идея! — воскликнул раздумавшийся Артём. — Снегоход — моя стихия.

— Отправимся по сусанинским местам, — сказал, как отрезал, Михаил.

— Хорошо. Давайте, отдыхайте, а завтра — в дорогу, — шурша подрысником, Андрей направился в соседнюю комнату и показал друзьям места для ночлега.

Артём сразу же бухнулся на небольшой диван, а Михаилу досталась старенькая металлическая кровать.

— Спокойной ночи! — прозвучал голос удалявшегося священника.

Дверь скрипуче закрылась. Щёлкнул выключатель, и комната погрузилась в темноту. Артём почти сразу заспел, а Михаилу не спалось. Ему в голову лезли разные мысли и воспоминания... У Михаила имелась ещё одна причина, чтобы откликнуться на гостеприимный призыв друга-священника. Уже более десяти лет назад, занимаясь работой над диссертацией по историографии Смутного времени, он всё больше погружался в историю Ивана Сусанина, фигура которого обросла многочисленными легендами. Даже такие именитые историки XIX века, как Николай Иванович Костомаров и Сергей Михайлович Соловьёв устроили диспут о реальности событий, связанных с костромским мужиком. Первый из них в 1862 году опубликовал статью, где отрицал подвиг Сусанина, полагая: он пал жертвой простых разбойников. Молодому

и неопытному Михаилу Романову тогда потребовался миф о единении царя и народа. В легенде о Сусанине он обрёл очертания. Миф о крестьянине, спасшем юного царя, как нельзя кстати пригодился для единения разболтанного Смутой бунташного народа вокруг молодого монарха и подчинения людишек государственной воле. Соловьёв — наоборот: более доверял сохранившимся, пускай даже легендарным фактам о Сусанине, считая его героем. С наступлением советских времён, под влиянием политической конъюнктуры, начались «приключения» образа Ивана. Первоначально его сделали врагом — как прислужника и пособника царя, угнетателя трудящихся масс. Четырнадцатиметровый памятник, стоявший в центре Костромы, изображавший в виде обелиска молодого Михаила Романова и в несколько раз меньшую фигуру Сусанина у подножия постамента, по решению местного Совета на второй год революции снесли. Затем, уже при Сталине, когда партийные идеологи стали усиленно искать корни советского патриотизма, Сусанин вновь превратился в народного героя. Но только не спасителя молодого монарха, а человека, ценою жизни отведшего угрозу от Москвы. Знаменитую оперу Михаила Глинки «Жизнь за царя» подправили в нужном идеологическом русле и назвали «Иван Сусанин». Одному из ведущих советских режиссёров Сергею Эйзенштейну предложили на выбор снять фильм либо об Иване Сусанине, либо об Александре Невском. Он,

в силу разных соображений, выбрал второй вариант. Поэтому картина о костромском герое тогда — да и впоследствии — так и не появилась на экранах страны.

Для Михаила как историка оставалась неясной канва событий, связанных с теми людьми, что замучили костромского героя. Была ли это «интернациональная» банда, участники которой хотели пожить за счёт того или иного боярского имени, и неважно, принадлежало оно Романовым или нет? Или же польско-литовский «спецназ» выполнял особое задание по поимке недавно избранного царём шестнадцатилетнего боярского отпрыска? И вообще, кем являлись лица, убившие Сусанина? Эти вопросы не давали покоя, заставляли искать новые источники, в том числе и зарубежные, прежде всего, польские. Михаил часами просиживал в архивах и библиотеках, постоянно откладывая в сторону дела по диссертации, стремясь отыскать новые факты, связанные с подвигом Ивана. Некоторые копии документов ему, по заказу через институт, прислали из Польши. Конечно, практически все материалы, свидетельствующие о тех событиях, были известны историкам-специалистам. Никакой Америки Михаил здесь бы не открыл. Всё дело состояло в иной интерпретации полученных данных, что позволяло по-новому взглянуть на историю Сусанина. Например, известный учёный Роберт Скрынник из Петербурга принимал деяние костромского крестьянина, полагая: он спасал юного

барина, не зная о решении земского собора в Москве. А научный руководитель диссертации Михаила, ярославский профессор Владимир Козин, ссылаясь на новгородские источники, пришёл к выводу — мужика замучили не ляхи, а «черкасские казаки», совершавшие грабительский рейд по северным землям ещё не оправившегося от раскола государства, при этом они освободили много поляков, взятых в плен в Москве. Вполне возможно — именно «казаки-разбойники» появились в окрестностях села Домнино и Чистого болота, где неподалёку и произошла трагедия. Несколько лет назад Михаилу на глаза попала информация из одного интернет-издания, где говорилось о находках костромских археологов. Они обследовали ряд захоронений у деревни Исупово и пришли к выводу: одно из них принадлежит Ивану Сусанину, останки которого отличались многочисленными повреждениями костей, в том числе и на черепе. До открытия археологов имелось, по крайней мере, два утверждения о месте захоронения героя. Одни источники указывали на Ипатьевский монастырь, однако могила, где лежат останки Ивана, оказалась забытой и сведения о ней утерянными. Другая версия связана с селом Домнино, где, якобы, у стен Воскресенской церкви и погребли Сусанина.

Первый достоверный документ о поступке Ивана, как установили историки, относился к ноябрю 1619 года — это грамота Михаила Фёдоровича о даровании родственникам

Сусанина за его подвиг земельных наделов и деревеньки. Получается, констатировал Михаил, о действиях Сусанина молодой монарх узнал только спустя несколько лет, когда вновь решил посетить родовое имение, где, возможно, и услышал эту историю. Многие факты, по мнению Михаила, указывали на реальность событий, связанных с именем Сусанина. Хотя, конечно, не обошлось и без вымыслов. Но он полагал: нити того, что случилось близ Домнино, тянулись в Смоленск, в польскую ставку.

В первых числах февраля 1613 года земский собор в Москве оставил выбор на юном Михаиле Романове. Но Смута научила людей проявлять осторожность, и оглашение имени царя отложили до конца месяца, на 21 февраля. К этому дню в столицу ждали новых посланцев из других городов. Бывший польский комендант Кремля Александр Гонсевский, находясь в Смоленске, зорко следил за происходящим в Москве. Он даже попытался узнать о кандидатуре царя у «детей боярских», посланных в Торопец, но они, как повествует один из источников, не проболтались. Однако вряд ли тайну, озвученную среди посланцев от разных городов на земском соборе, удалось сохранить до конца февраля. Как говорится, «что знают двое, то знает и свинья». Видимо, у польских шляхтичей ещё оставались осведомители в Москве. Поэтому можно предположить: отряд для захвата Михаила Романова отправили в костромские леса до официального

объявления его царём. Активная деятельность польской стороны определялась и тем, что земский собор, ещё не упоминая имени Михаила, послал королю Сигизмунду Третьему грамоту. В ней перечислялись все «неправды, коварства и насилия» поляков и содержались слова о нежелании русского народа иметь у себя царём его сына Владислава. При этом грамота предлагала заключить мир и обменяться пленниками. Конечно, такой удар заставил короля и его окружение действовать решительно. Следует напомнить: за несколько месяцев до этих событий, в сентябре 1612 года, в тюремной камере Гостынского замка скончался при тёмных обстоятельствах, не дотянув до шестидесяти, бывший царь Василий Шуйский. Незадолго до кончины его с двумя братьями вывезли под охраной в Речь Посполитую. Вероятно, старшего Шуйского убили с целью устранить любых, даже потенциальных претендентов на московский престол, чтобы он достался королевичу Владиславу или его отцу. Поэтому Михаил был почти уверен: подобными методами польские политики, возможно, решили действовать и против молодого Романова. Существовала и ещё одна, вполне достоверная версия о том, что Сусанин спас молодого барина в ноябре 1612 года, когда только ходили слухи о кандидатуре Михаила в качестве нового монарха. Юный Романов с матерью после освобождения Московского Кремля от поляков в конце октября выехал в родное имение, направляясь в костромские

края. Побыв немного в Домнино, они проследовали в Макарьёво-Унженский монастырь на богомолье. И как раз в это время недалеко от Домнина появился отряд ляхов, повстречавший на пути Сусанина. Зная о слухах относительно Михаила, вотчинный староста решил увести врагов в другую сторону, не сказав ничего о юном боярине. В пользу данной версии говорит факт: премьера оперы Михаила Глинки «Жизнь за царя» состоялась 27 ноября 1836 года, т.е. приурочивалась ко дню гибели Сусанина. Да, действительно, размышлял Михаил, слухи играют не последнюю роль в поступках людей и нередко способствуют повороту исторических событий в то или иное русло. Он, работая с материалами той далёкой эпохи, нередко ловил себя на мысли: некоторые явления или конкретные фигуры сначала обрастают слухами, определяющими их ближайшее будущее, а затем примерно так всё и происходит. Загадочной или нелепой смерти последнего отпрыска Рюриковичей юнца Дмитрия на заднем дворе Угличского дворца в мае 1591 года, ещё задолго до случившегося — предшествовали различные нехорошие, угрожающие слухи. Так, английский посланник Джером Горсей, после пребывания в России, за четыре с года до трагедии с мальчиком, сделал запись: «был раскрыт заговор с целью отравить и убить молодого царевича... Дмитрия, его мать и всех их родственников, приверженцев и друзей, содержащихся под строгим присмотром в отдалённом Угличе». Как известно,

именно гибель юного наследника, по мнению большинства жителей Московии, и стала главной причиной всех обрушившихся на страну бед во времена Смуты.

Вспомнилось и другое. Как-то, работая над статьёй для научно-популярного журнала об Александре Колчаке, героя другой Смуты в российской истории, Михаил обратил внимание: адмиралу прочили роль диктатора России, по крайней мере, ещё за год до того, как это произошло. Летом 1917 года кандидатура Колчака в качестве человека «сильной руки» уже всплывала в разговорах политиков в Петрограде. Затем о нём вновь вспомнили вновь, в начале 1918 года, как о фигуре, способной объединить все антибольшевистские формирования на Дальнем Востоке. По прибытии Колчака в Омск ему сразу предложили портфель военного и морского министра правительства Директории. Таким образом, определённые круги настоятельно выдвигали его на роль ведущего политика белого лагеря в качестве диктатора. Возможно, подсознательно и адмирал готовился к миссии. В итоге частые разговоры о Колчаке как о столь необходимом авторитарном правителе стали реальностью ноябрьской ночью 1918 года в Омске. Адмирала провозгласили «Верховным правителем» России. Подобное могло происходить и с Михаилом Романовым, чьё имя называли в качестве нового государя одним из первых, и большую роль в его избрании сыграли казацкие представители. Самое главное обстоятель-

ство — его родственные узы с Рюриковичами. Внимая слухам, польские предводители не дремали, посылая депеши королю и ожидая ответных поручений, которые не заставили себя долго ждать. Для захвата молодого Романова в Домнино направили отряд. В отдалённые Костромские края, конечно, следовало посылать наиболее подготовленных воинов. По предположению Михаила, кавалеристы талантливого военачальника Александра Лисовского, сначала воевавшего за Лжедмитрия Второго, а затем перешедшего на службу к польскому королю, вполне подошли бы для такой роли. Называя себя «лисовчиками», не обременённые обозом и имевшие лёгкое вооружение, они могли совершать рейды на сотни километров. Боевая слава конницы Лисовского гремела на просторах России Смутного времени. В своё время они захватили Коломну, Галич, Соль Вычегодскую, совершили удачные набеги на Ярославль, Кострому, Кинешму, отметились походами в рязанские, новгородские и суздальские земли. Может быть, сам полковник Лисовский не участвовал в сусанинской истории, но некоторые из его конников на самом деле могли стать актёрами трагедии, названной впоследствии Михаилом Глинкой «Жизнь за царя». Пребывание юного монарха с матерью-монахиней в Ипатьевском монастыре под Костромой, куда в середине марта 1613 года явилось посольство из Москвы, также свидетельствует в пользу версии о подвиге Ивана Сусанина. Согласно некоторым источникам,

уводя врагов в леса, в противоположную сторону от села Домнино, он успел направить к Романовым человека с предупреждением об опасности и советом немедленно уезжать в Ипатьевский монастырь, где можно укрыться. Возможно, домнинский староста действительно не знал, что молодого Романова выбрали царём, зачастую он питался только слухами, как и многие люди того времени. Однако данное обстоятельство никоим образом не умоляет его храбрые действия.

«Каковы же превратности нашей судьбы, — задумался Михаил. Жил вот крестьянин по имени Иван и по фамилии Сусанин, хотя это не фамилия, а, скорее, прозвище. В то время крестьяне, в отличие от бояр и иных “лучших людей” — не имели фамилий. Они получали прозвища, как правило, связанные с именами родителей. Возможно, Иван обрёл такое прозвище, потому что его мать звали Сусанной и воспитывался он без отца. Звёзд, как говорится, с неба Сусанин не хватал. Да и происхождение не способствовало тому, чтобы попасть в анналы истории. После сорока лет достиг поста вотчинного старосты в Домнино. И на том спасибо. Во время баталий Смутного времени, слава Богу, остался жив и невредим. Отсиделся. Хотя в Домнино, стоявшее у дороги, ведущей из Костромы в Галич, нередко заглядывали то тушинцы, то поляки, то просто разбойники, то ополченцы Минина. Но всё обошлось, не тронули Ивана и его близких, дочку с зятем и их детей. Многое перенёс он вместе с ними, и

холод, и голод, и страхи в непредсказуемое время лихолетья. Одним словом, казалось, пронесла нечистая сила, спасся. Но нет, не тут-то было. Повстречались ему на лесной тропе враждебные ляхи, и пошла, поехала, закружилась жизнь совсем иначе, свернула на кривую и опасную дорожку, идущую в сторону от села Домнино, навстречу смертушке и послежизненной славе мужика Земли Русской, спасшего юного царя. Насколько порой непредсказуема и хрупка наша жизнь! Один, казалось бы, незначительный момент может полностью её перевернуть или прервать навеки. И ничего нельзя с этим поделывать. Ровным счётом ничего»...

Все предположения и размышления Михаила относительно истории с Иваном Сусаниным так и остались версиями в его голове. Он даже не решился что-то опубликовать или выступить с догадками на одной из научных конференций. Подобные доводы и уточнения, по его мнению, мало что меняли в представлениях об истории Смутного времени. Но заниматься раскрытием «белых пятен» сусанинской трагедии стало для него весьма интересным и увлекательным делом. В один из январских пасмурных дней раздался телефонный звонок. «Батюшка» Андрей настоятельно звал в гости. Приглашение уже звучало во второй раз. В прошлом году Михаил не смог выехать, но теперь обещал приехать. Тем более, что вот уже неделю прибывал в состоянии семейного раздора. С женой Людмилой разругался вдрызг и разговаривал сквозь зубы.

Она отвечала тем же. Ситуация выглядела глупой. Причину ссоры уже давно забыли, но продолжали дуться друг на друга.

«Съезжу, проветрюсь, — решил про себя Михаил, — а там видно будет. Может, мой отъезд пойдёт только на пользу. Через три-четыре дня вернусь, и всё устаканится». Приняв окончательное решение, он стал спешно набирать номер Артёма.

Живя в Оладыно в качестве настоятеля нескольких храмов, расположенных неподалёку, протоиерей Андрей проявлял на редкость кипучую деятельность. Одну из церквей с помощью финансовых вливаний приятелей-бизнесменов батюшка почти восстановил, две других находились в строительных лесах. Любитель путешествий, Андрей со старшими сыновьями на стареньком катере несколько раз совершал речные походы. В последнем из них добрался даже до Питера, где, пересекая водную гладь каналов, полюбовался с ребятами архитектурой Северной Пальмиры.

После звонка друга Михаил решил временно отложить все срочные дела и отправиться в путь. Ведь деревня Оладыно стояла всего в несколько десятков километров от Исупово где, возможно, и погиб Иван Сусанин. Артём, сильно не обременённый заказами на туры в зимний период и зная — это будет интересно для Михаила, также подбивал его на эту поездку.

Они выехали на Галич глубокой ночью с Ярославского вокзала. Стояло начало февраля. Михаил любил

этот зимний месяц. Дни становились длиннее, свежий снег за городом отливал чистой белизной, морозы уже сдавали позиции, да и солнце часто появлялось из-за пасмурной завесы. Ещё в начале февраля Михаил чувствовал неминуемое приближение весны. С того самого времени, когда 2 февраля американцы и канадцы с юмором и забавами отмечают «День сурка», возлагая большие надежды на погоду в этот день и на поведение толстокожего степного зверька в вопросе о прогнозе на предстоящее лето. Соседями Артёма и Михаила по купе оказалась семейная пара средних лет, которая почти не разговаривала, быстро залегла на полки и на самом деле уснула или только делала вид. Весь небольшой остаток ночи друзья пили, закусывая маринованными огурчиками и тушёнкой. Начали с бутылки «Столичной», а закончили, как ни старался уклониться Михаил, пивом. На одной из станций Артём быстро выскочил из вагона, растворившись в утреннем морозном тумане. Не прошло и пяти минут, как он появился в дверях купе с несколькими бутылками местного пивка и сушёной большой рыбиной, завернутой в бумагу.

— Отлакируем — и на боковую, — полушёпотом произнёс он, соседи по купе, видимо, уже спали.

— Какой, к чёрту, сон! Через пару часов пребываем в Галич, — воскликнул, тут же переходя на шёпот, Михаил. — Зачем ты взял пиво? Не надо мешать!

— Ничего, как говорят в народе, водка без пива — деньги на ветер.

Давай понемногу. Тут всего пару бутылочек на каждого. Да и рыба, кажется, аппетитная.

— Ну, ладно, открывай, куда от тебя денешься.

Беседа друзей под стук колёс, сдобренная водкой, а теперь ещё и пивом, продолжалась. Почему-то вспомнились студенческие годы. Частые поиски съёмных квартир для Андрея и его постоянно увеличивающегося семейства стали одним из атрибутов их жизни на старших курсах. Съехав из общежития, будущий священник сменил, наверное, не менее пяти адресов. После выпуска он не сразу ушёл в религию. Какое-то время занимался прибыльным тогда видеопрокатным бизнесом, открыв несколько мини-залов на тогдашней окраине Москвы, в Люблино. Но вскоре к нему в офис на поддержанном «Мерседесе» подъехали ребята — один в малиновом пиджаке и двое в спортивных костюмах. Они сделали предложение, а точнее, объявление, от которого, по их логике, он никак не мог отказаться. Один из них, в малиновом пиджаке, самый мордатый и приплюснутый, не вынимая сигареты изо рта и пуская дым во все стороны, усевшись толстым задом в кресло напротив, заявил Андрею:

— С этого момента мы — твоя крыша, понял, сынок? Тебе никак нельзя без нас, а нам — без тебя. Готовь бабло и ни о чём больше не беспокойся. Наше слово — твёрже стали.

Удачный прокатчик и начинающий бизнесмен, молча проглотил всю эту тираду, и что-то почти одобрительное пробурчал в ответ.

Из его слов малиновый пиджак и тренировочные костюмы поняли: маржа будет собрана в ближайшее время, буквально послезавтра к обеденному часу. А на следующий день Андрей закрыл все точки, рассчитался с ребятами, крутившими кино, а всю видеоаппаратуру по дешёвке продал на ближайшей барахолке. С этой встречи с местными рэкетирами, видимо, и началось его разочарование в светской жизни и обращение к небу.

— Неисповедимы пути Господни, — часто любил повторять Андрей. Он всё чаще пропадал в церкви и вскоре принял решение: посвятить себя службе Всевышнему. Так он оказался в Костромской епархии, дослужившись до звания протоиерея. Да, действительно, неисповедимы пути Господни...

Поезд в Галич немного опаздывал, прибыли со сбоем в расписании на полчаса. Стоял морозный субботний полдень. Перрон был почти пуст. Только несколько пассажиров устремилось к подошедшему составу. Первое что бросилось в глаза Михаилу, сошедшему с последней ступеньки вагона, — высокая фигура Василия с распростёртыми руками.

— Добро пожаловать на Костромскую землю! — громко выкрикнул он, улыбаясь, и принялся радостно трясти руки Артёма и Михаила. Обнялись и двинулись по направлению к стоянке автомобилей. Друзья не видели Василия несколько лет. Он сильно вытянулся и повзрослел за это время, но лицо с добродушной улыбкой осталось прежним. От

бессонной ночи и спиртного голова у Михаила немного потрескивала, глаза слипались, но он старался бодриться. Артёма же, казалось, ничего не брало. Он громко смеялся, балагурил, быстрыми шагами следуя за Василием. «Как огурчик», — глядя на него, с некоторой завистью подумал Михаил, плетущийся сзади.

Бросив сумки в багажник и плюхнувшись в салон небольшого «Фольксвагена», они двинулись в путь. Асфальтированная дорога, очищенная от небольших снежных наносов, шла между лесов, пустошей и замёрзших болот. Несмотря на обеденное время, небо хмурилась. Еле-еле снежило. Вялотекущая беседа, одобренная парочкой анекдотов, способствовала тому, что время в дороге пронеслось незаметно. Михаил даже успел подремать. Миновали городок под названием Буй, затем — Сусанино, и вот прибыли в Оладьино, где при въезде стояла небольшая церковь. Деревня казалась пустынной.

— Все мужики — на заработках в Москве, а живность держать сейчас в деревне — не выгодно, — пояснил Василий, словно угадав немой вопрос Михаила.

Свернув в первый проулок с деревенской дороги и проехав несколько домов, оказались перед двухэтажным, но вполне скромным домом священника с большим двором и участком под огород. После бурной встречи с Андреем и его семейством, бани и хлебосольного застолья усталость и сонливость Михаила — как рукой сняло. Он теперь жаждал освоения нового пространства и по-

ездок по заснеженным просторам Костромского края. Планы на предстоящий день полностью захватили его. Решили проехать на снегоходе по сусанинским местам. Побывать в Домнино, на Чистом болоте и в Исупово, то есть там, где, возможно, всё и случилось в то далёкое Смутное время, где костромской мужик положил жизнь за царя.

Батюшка Андрей, к сожалению, не мог отправиться с друзьями, его срочно вызвали в Кострому, к митрополиту. Да и снегоход был двухместным. Поэтому решили: Артём и Михаил поедут вместе, снабжённые картой и навигатором. Тем более, Артём в прошлую зиму уже познакомился со здешними местами. Они со священником преодолели на этой машине ни один десяток километров по заснеженным дорогам и полям. И вот наступило утро. Встали поздно, после девяти часов. День обещал быть солнечным и не сильно морозным. Термометр у входной двери показывал минус двенадцать по Цельсию. После завтрака друзья облачились в специальные утеплённые комбинезоны, надели шлемы, перчатки, очки и вышли на воздух. Почти все дети большого семейства высыпали во двор. Они радостно переговаривались, поглядывая на гостей в походном облачении.

— Вот вам мой железный конь, — прогудел Андрей, указывая на снегоход с большой надписью «Yamaha» на борту. — Вы практически везде проедете, если, конечно, не будете лихачить и искать приключений на свою жо.., то есть задницу. Прости

меня, Господи, за сквернословие... — тут же вослед, как по заученному, протараторил он.

— Да с такой машиной можно хоть куда, даже к берегам Ледовитого океана! — с восхищением сказал Михаил, усаживаясь сзади Артёма на снегоход.

— С Богом! — произнёс Андрей, осенив крестом друзей. — В добрый час! Зря не рискуйте. Выбирайте проторённые дороги.

Снегоход грозно заурчал, управляемый Артёмом, затем резко дёрнулся и заскользил большими лыжами по снегу. Через несколько минут деревня уже маячила вдалеке за спинами друзей. Михаил, сидя сзади на пассажирском месте, с удовольствием вдыхал морозный воздух. Бело-снежные пространства, обрамлённые лесами, радовали взгляд. Снег искрился на солнце.

«Вот настоящее наслаждение!» — подумал он. Путешествия, пусть и небольшие, как нынешнее, многое для него значат, наполняя жизнь новыми впечатлениями и идеями. Часто в дороге Михаилу приходили мысли о многообразии мира, о его переливах и оттенках, о планах на будущее. Да, конечно, он любил дорогу и всё, что с ней связано. Как-то в трудные времена середины 90-х, в летние месяцы длительного преподавательского отпуска, постоянно пребывая в состоянии безденежья, Михаил устроился перегонщиком легковых автомобилей из Москвы в разные города и веси в условиях господства бартера. Платили немного, но сэкономил на командировочных.

Однако не это оказалось главным. Процесс многочисленных поездок, дорожных впечатлений захватил его полностью. Пришлось исколесить почти всю Россию, за исключением, пожалуй, самых отдалённых окраин. Несмотря на трудности, Михаил получал огромное удовольствие от такой работы. Он много узнал о стране и даже о себе, о сильных и слабых качествах, о людях, оказавшихся с ним в роли напарников и наставников. Слова из песенки популярной эстрадной группы «Дорога, дорога, ты скажешь так много о жизни моей непростой», стали созвучны и близки. Несколько летних сезонов подряд он почти не выпускал из рук баранки. Возвращался через две-три недели домой уставший, но довольный, переполненный массой впечатлений. Порой даже приходила лихая мысль: оставить университет и переквалифицироваться в перегонщика железных коней. Но любовь к истории и страсть к исследовательской работе, несмотря на скудный заработок, взяла верх. Хотя всё осталось в прошлом, но воспоминания о тех перегонах грели душу. Тогда ему удалось объехать и посмотреть полстраны. И теперь он стремился использовать любой повод, чтобы отправиться куда-либо за дорожными впечатлениями.

«Есть в дороге что-то метафизическое, — размышлял Михаил под рёв снегохода, — она часто испытывает нас». Пришла на ум идея из христианской философии — без испытаний и преодолений не бывает настоящего человеческого счастья,

а значит — и истинного ощущения жизни». Прочитанная когда-то и где-то эта мысль врезалась прочно в память, иногда всплывая в сознании. Снежная дорога петляла между лесов и уходила вдаль, где сливалась с линией горизонта. Неяркое февральское солнце поднялось уже высоко. Леса по краям дороги стояли чёрные и безмолвные. Небольшой морозец бодрил. Комья снега летели из-под передних лыж снегохода, сильно урчащего и летевшего, как казалось Михаилу, на приличной скорости. Вскоре дорога стала сужаться, и снега становилось всё больше и больше. Пришлось остановиться и достать навигатор, но он не работал и, если на время включался, то показывал совершенно другую локацию. Достали бумажную туристическую, но более-менее подробную карту, которой их снабдил, на всякий случай, батюшка Андрей. Этот случай произошёл, и карта оказалась как нельзя кстати. По предположению Артёма, они проехали от Оладыно не более двадцати километров. Ни вблизи, ни вдалеке никаких населённых пунктов не наблюдалось, только леса и небольшие поля, укрытые свежим снежком — ночью немного порошило. Судя по карте, они немного отклонились от намеченного маршрута, лежащего в Домнино, а затем — в Исупово.

— Да, мы проехали пару поворотов. На одном из них надо было свернуть, — с досадой в голосе промолвил Артём. — Но думаю, возвращаться не будем. Срежем здесь по полю, снегоход должен пройти.

И Артём рассказал, как они со священником Андреем в прошлом году, в январе, съехав на снегоходе с трассы между Чухломой и Солигаличем (туда они добрались на легковом автомобиле с прицепом), посетили Нероново, заброшенную усадьбу генерал-лейтенанта Петра Александровича Черевина, где он в 1896 году и нашёл последний приют. Добраться туда можно было зимой на снегоходе или на лыжах, а летом — только на тракторе, поскольку все дороги в том направлении заросли, а в некоторых местах — оказались захвачены болотами. Полуразрушенная церковь, двухэтажный большой и вытянутый дом-особняк с пустыми глазницами окон, у входа — несколько колон, служивших когда-то опорами для большого балкона. Невдалеке от особняка — пара покосившихся домов, видимо, для прислуги, и разбитая металлическая ограда. Всё, что осталось от имения некогда известного при дворе человека, пользовавшегося большим расположением императора Александра Третьего и исполнявшего при нём должность дежурного генерала. Правда, злые языки утверждали: генерал, хотя и нёс придворную службу исправно, но почти всегда был подшофе, за что, видимо, при новом императоре-сыне и был отставлен от двора. Пребывание в месте, где некогда, особенно летом, кипела жизнь дворянского семейства, и приезд его главы из Санкт-Петербурга обставлялся как большое торжество с участием многочисленных домочадцев, прислуги и брызг шам-

панского, по мнению Артёма, много стоило.

— Мне представлялось, что я даже слышал голоса и звуки прошлого, связанные с жителями и гостями этой усадьбы.

— Ну, это уже какая-то мистика, — с сомнением сказал Михаил.

— Да, нет... Просто нужно включить воображение, и ты сам будешь слышать голоса из прошлого.

— Не знаю, мне в это верится с трудом.

— Ты чересчур рационален и не романтичен.

— Возможно, ты прав, — ответил Михаил. Мотор вновь заурчал. Снегоход, управляемый Артёмом, метнулся по снежному бездорожью, пересекая равнинную местность. Ехали молча. Через полчаса выехали вновь на дорогу. Проехав ещё некоторое время, остановились, чтобы перекусить. Достали армейскую фляжку с водкой, бутерброды с колбасой и сыром, солёные огурцы. Всё это, кроме горячительного, заботливо положила в багажник снегохода Света. Водку выдал батюшка, назвав её «Вологодской» и «чистой слезой». Правда, была ещё фляжка с уже остывшем ягодным чаем, но она так и осталась нетронутой. Пили часто из фляжки с водкой, закусывая тем, что Бог послал. Трудно было соблюсти меру, отхлёбывая из горлышка, и Михаил с Артёмом быстро окосели. Солнце уже начало клониться к закату. Но друзьям нужно было двигаться дальше и добраться до деревни Домнино. Однако судя по навигатору, который то вдруг включался, то надолго от-

ключался, они оказались на другом берегу Чистого болота, ближе к Исупово. Но дорогу на эту деревню они также потеряли, плутая на снегоходе по заснеженным дорогам, то расходящимся, то соединяющимся вновь. Остановились вновь, чтобы осмотреться. Фляжка с Вологодской закончилась, и Артём достал бутылку водки (из своих запасов) и остатки снеди. Выпили и закусили. И потом ещё несколько раз повторили...

— Может быть, вызовем ляхов, зарубивших Сусанина, — глядя на друга мутным взглядом, неожиданно предложил Михаил.

— А давай! Почему бы и нет! Они, наверное, до сих пор никак не могут дорогу в лесу найти, — с пьяным воодушевлением просипел Артём.

— Да, это их судьба — бродить по костромским глухим местам как призраки! Всевышний наказал их за убийство Сусанина.

— Ляхи-и-и! Ляхи-и-и! — сложив пальцы рупором, обращённым в лес, зычно закричал Артём.

— Ляхи-и-и! — вторил ему Михаил. Затем они на несколько секунд умолкали и прислушивались. Потом вновь и вновь разрывали лесную тишину полупьяными криками.

— Ляхи-и-и, ляхи-и-и, — неслись их нестройные и уже хриплые голоса по ближайшей округе, на которую постепенно опускались сумерки. Сколько продолжался пьяный ор, трудно сказать. Наверное, несколько минут. И тут произошло нечто. Вдруг ели зашевелились, потряхивая снегом, и из них один за другим

стали выходить фигуры, бряцающие саблями, топорами, копьями... С замороженными усами, истощённые, с небритыми лицами, эти люди (если они являлись таковыми) выглядели, с одной стороны, жалко, а с другой — враждебно. Двое были одеты в форму крылатых гусар времён Смуты, только без металлических крыльев за спиной. Но шлемы и панцири выглядели как настоящие. Михаил опешил и вмиг протрезвел. У Артёма непроизвольно подогнулись ноги, и колени сами опустились на снег. Михаилу, показалось: друг стал шептать молитву. Что-то в них выглядело необычным, но что — трудно было определить...

— Ян, Ян Мархоцкий, — представился первый из подошедших к ним, высокий мужчина средних лет с аккуратными небольшими усами. Он протянул руку, пристально всматриваясь в Михаила.

— Очень рад, М-М-Михаил. А это — А-А-Артём, — представил он друга.

— Мы — туристы. Не стоит нас пугаться, — пробасил простуженным голосом Ян, на несколько ломаном русском языке. Он указал на спутников. — Ежи, Станислав и Броня, знакомьтесь.

— А м-м-м-мы, и н-н-не боимся, — выдавил, немного заикаясь, входящий в себя Артём.

Все друг с другом поздоровались. Один из поляков, Броня, широкоплечий добряк, сразу вытащил из рюкзака фляжку и предложил выпить за встречу. Никто не отказался. После нескольких глотков виски разговор ожил, на лицах появились улыбки.

— Сильно ми вас напужали? — с ухмылкой спросил Ежи, толстоватый парень лет двадцати пяти.

— Да, я чуть не обделался, — ответил Михаил, обнажая в улыбке передний ряд неровных зубов. — А ты, Артём?

— Спрашиваешь! Меня подкосило, и я решил — это капец!

После таких слов раздался дружный хохот. Сотрясая сильными мужскими голосами ближайший лес, громко ржали и русские, и поляки. Через несколько минут разговор продолжился. В ход пошла новая фляжка, появившаяся из-за пояса Станислава, небритого маленького ростом паренька, выглядевшего самым молодым.

— Ваша фамилия, Ян, мне, кажется, знакома, — медленно произнёс Михаил, хмурия лоб и что-то вспоминая.

— Дело в том, — начал Ян, — я естэм один из потомков ратмистра Миколая Мархоцкого. Он несколько лет провёл здесь, в России. Воевал и у вашего Лжедмитрия Второго и у нашего короля.

— Ну, скажем, Лжедмитрий — не наш, — быстро парировал Артём, чуть приподняв подбородок.

— Да, конечно, не ваш, — ответил Ян. — Но дело в том, што мой предок — кавалерийский офицер. И он умел не только владеть саблей, но и пером. Его рукопись мемуаров о Смутном времени в России, нашли пошти через двести лет. Они стали очень популярны. Мой далёкий родственник стремился писать лишь о том, что видел сам. Его мемуары меня очень

захватили. Поэтому я намыслил со своими друзьями отправиться в путь, по мястам походов ратмитра Мархоцкого.

— Интересная у вас миссия, — заметил, улыбаясь, Михаил.

— А к чему вес этот карнавал? — спросил Артём, указывая на оружие и доспехи новых знакомых.

— Щобы войти в лики наших предков, гостивавших здися, у вас на Руси в Смуту, — за всех ответил Ян, улыбаясь в усы. Друзья крепко подружились с «молодыми ляхами». Мало что, судя по их экипировке выдавало в них современных жителей. Пожалуй, только лыжи, на которых они передвигались по костромским пространствам. Артём и Михаил добрались вместе с ними до ближайшей деревни Сёмкино, где у новых польских знакомых планировалась ночёвка. Остановились вместе в большом просторном доме, который согласились сдать польским туристам родственники уехавших на заработки в Подмоскowie хозяев. Позвонили батюшке Андрею, предупредив о завтрашнем возвращении. Попарились в баньке. Засиделись допоздна за столом с русским самогоном (хозяйка продала по сходной цене) и польскими мясными консервами. Много пили. Много шутили. Много гоготали, перемешивая польский и русский язык в одно целое, в котором растворялись их разговоры, и чем больше они пили, тем лучше друг друга понимали. А над ними, над крышей дома, простиралась ясно-звёздная тёмная бездна. Стояла необычно тихая февральская ночь.

Деревня спала. Лес примолк. Его обитатели, видимо, тоже отдыхали. Только в одном доме в деревне ещё долго горел свет в двух окнах. Почти под утро уставшие, довольные и пьяные, расползлись по разным углам и моментально уснули. Хмель и усталость быстро заставили всех угомониться.

На следующий день встали поздно, когда солнце уже поднялось и прорвалось лучами во многие комнаты дома. Наскоро позавтракав, собрались в дорогу. Расставание оказалось долгим и многословным, с обменом адресов, номеров телефонов и приглашений. После длительных рукопожатий и пожеланий двинулись к средствам передвижения. Польские друзья оккупировали ранее оставленный здесь, во дворе, потрёпанный и грязный джип, предварительно загрузив его поклажей и лыжами. А Михаил с Артёмом водрузились на снегоход. Разъезжались, усиленно сигналив друг другу. Ещё минута — и джип с новыми друзьями ушёл вперёд, по направлению к трассе на Кострому, а лыжи снегохода обратились в сторону Оладыно.

* * *

За вагонным окном бежали костромские леса и поля. Стоял вечер. Друзья уже полчаса как выехали из Галича домой, разместившись в купе, где они оказались вдвоём. В прошлом остались и двухдневная поездка на снегоходе, несостоявшееся посещение Домнино и Исупово, приезд в Оладыно, и снова — баня, и обильный ужин, и разговоры поч-

ти до утра. Встали, когда солнце уже стояло высоко, нервно сумбурно начали собираться в дорогу. Вечером прибыли в Галич с Василием, на том же стареньком «Фольксвагене», и сели в поезд, следующий из Читы. Все бурные события предшествующих дней отрывочно, вспышками стали всплывать в памяти Михаила, как только он лёг на полку. Особенно, конечно, запомнилась эта необычная встреча с молодыми поляками. Как будто специально судьба их столкнула с теми, предки которых часто, в разных ипостасях, рисовались как «враги России». А когда они повстречались с их потомками, то реальность оказалась совершенно другой. Замечательные простые ребята, равнодушные к истории предков! Но на официальном уровне, в рамках большой политики — всё может быть по-другому. Видимо, наша и их национальные гордыни, разный взгляд на христианство и непростые отношения в прошлом мешают нам быть — если не братскими народами, то хотя бы не враждебными друг другу. И тут Михаилу вспомнилась фраза мудрого немца, философа,

романтика и пессимиста, творившего в просвещённом XIX веке, Артура Шопенгауэра: «Убогий человек, не имеющий ничего, чем бы он мог гордиться, хватается за единственно возможное и гордится нацией, к которой он принадлежит». Да, это верно, национальная гордыня, которая, как правило, сопровождается безудержной ксенофобией, — болезнь бездарей и лентяев. В современном мире, который стал «глобальной деревней», с такими принципами жить трудно, да и не продуктивно. Поезд всё дальше уходил на юго-запад от Галича, глухо отстукивая стальными колёсами привычный танец на рельсах. Заснеженные леса и просторы белели из окон справа и слева.

— А всё-таки хорошо, Артём, мы съездили, несмотря на то, что не увидели Домнино и Исупово, да? — спросил, поворачивая голову, Михаил.

Однако в ответ раздавался размеренный храп. В запасе ещё оставалось не менее восьми часов езды до Москвы.

*Галич — Москва — Челябинск,
февраль–апрель 2011 г.*